

Ольга ФУКС

Фото предоставлены пресс-службой
Чеховского фестиваля

Новые формы, вечные темы

Прорубив множество окон в Европу, а также Азию, обе Америки (теперь добавилась ещё и Африка), посадив москвичей, а затем и жителей других городов России на это визуальное и смысловое изобилие, Чеховский фестиваль за эти годы воспитал потрясающую публику. Доброжелательную, демократичную, впитывающую, как губка, любые смыслы и образы, щедрую на цветы и овации. Дающую надежду на необратимый поворот к лучшему. От новых форм, как всегда, кружится голова, а сюжеты, как всегда, вечные – война, семья, любовь, чудо творчества, причуды памяти...

Война: Восток vs Запад

Два диаметрально противоположных взгляда на войну – с Востока и Запада. «Женщины-генералы семьи Ян» фучжоуской оперы (одна из самых ярких разновидностей китайской оперы) – просто идеальный образец духоподъемного искусства. Сюжет переносит нас в XII век, в семью погибшего в бою генерала Ян (из мужчин в ней остался только его сын-подросток, зато женский пол представлен в нескольких поколениях). И весь этот женский батальон, включая столетнюю мать семейства, решается пуститься в опасные горы и заменить погибших мужчин в бою. Проявив женскую хитрость, генералы-фемини побеждают врагов – к ликованию публики, основательно разогретой длинной чередой сумасшедших трюков и воинствующих кличей. Десятки килограммов костюмов, многочасовой грим – сохранение четырехсотлетних традиций жанра требует

«Женщины-генералы семьи Ян»

от актёров настоящего героизма. Но театру интереснее было другое – как под толстым слоем грима, практически отказавшись от мимики, сыграть всю гамму чувств, например, жены, которая узнала о гибели мужа прямо на торжествах в день его рождения и вынуждена «веселиться», скрывая страшную новость от его столетней бабушки.

Война в китайском спектакле – предмет эстетического наслаждения и этического любования героизмом соплеменников. С оправдания войны, её «очистительной грозы», где рождаются новые смыслы, начинается и одноимённый спектакль Владимира Панкова, который уже был сыгран в Эдинбурге, Вроцлаве, Тюмени, Ярославле, Санкт-Петербурге и Москве. Об этом рассуждают молодые художники на рождественской вечеринке в Париже – персонажи «Смерти героя» Ричарда Олдингтона, роман которого переплетается в спектакле с «Записками кавалериста» Николая Гумилёва и с главным гимном войне – «Илиадой» Гомера. Древнегреческий эпос понадобился психотерапевту, чтобы родители погибшего офицера Джорджа (Валерий Гаркалин и Елена Шанина) разобрались в своих чувствах и примерили на себя роли Приама и Гекубы. Русский, английский и греческий языки, борьба меди и струнных в атональной музыке Артёма Кима – всё это создаёт душераздирающий звуковой фон войны. С неба падают тела-шинели, огромная праздничная люстра превращается то ли в тонущий корабль, то ли в колокол Хемингуэя. Маленький человек с банальным именем Джордж (Павел Акимкин), когда-то художник, а теперь офицер Его Величества, носитель всех добродетелей гибнущей цивилизации, бредёт сквозь войну, теряя привязанности и разум. Лишаясь таланта – пальцы уже не держат карандаш и вместо наброска дырявят бумагу. Память о подбитом лётчике, расстрелянном своими на нейтральной территории, чтобы не выдал секретов, оказалась сильнее всех устоев старого мира. Путь на войну – всегда билет в один конец, с неё нельзя вернуться, даже если останешься в живых. С неё и не хочется возвращаться, и потому Джордж встаёт навстречу ураганному огню. Такой путь проходит западное искусство: от воспевания войны (в той же «Илиаде») до её полнейшей деэстетизации и дегуманизации.

«Красный табак»

По волнам нашей памяти

Имена Джеймса Тьерре и Филиппа Жанти гарантируют зрителям сплав волшебства, поэзии, ностальгии, юмора и печали – словом, чистого театра, его квинтэссенции. Название «Красный табак» (Tabac Rouge) Джеймс Тьерре предлагает читать наоборот, чтобы получить нечто вроде «абжура», но раскуренная трубка в его руках предлагает другую трактовку – неуловимое, мимолетное, дурманящее состояние творчества. Его главный герой – седой создатель с ключами от двери, которая не открывается, в царстве сумасшедших механизмов, повенчавших примус и абжур со швейной и печатной машинками, и преданных фантомов (акробатов из «Компании Майского Жука»). Они навтыяжку ждут своего Deus ex machina, но и не прочь подшутить над ним, взбесить, приласкаться – и всё в умопомрачительных трюках, где тело может превратиться в форменную каракатицу, а голова побулгаковски провалиться в костюм. Главным предметом в этой вселенской берлоге становится огромное зеркало, и стареющий творец вместе со своими создани-

ями то и дело ходит в зазеркалье, точно в другую комнату. Зеркало постоянно меняет местоположение и угол наклона и однажды оказывается над творцом: он хочется докричаться до Того, Кто там, наверху, а видит самого себя.

«Не забывай меня» Филиппа Жанти, поставленный с норвежскими молодыми артистами (театральная школа Nord-Trøndelag University College de Verdal), переносит в белое безмолвие Севера (пустыня ли, океан, Марс или север – самые подходящие пространства для фантазий Жанти). И начинается фантазмагория. Огромная обезьяна с повадками оперной дивы (эволюция наоборот?) радостно поджидает показавшихся вдали путников: она уже стосковалась по публике. Но пришедшие – загадочное племя. Каждый из них «возведён в квадрат»: человек и его двойник-кукла. Дальше стоит непременно восхититься мастерством, с которым актёры Жанти взаимодействуют с куклами – так, что до последнего нельзя понять, где человек, а где кукла, и как живое ловко подменяется неживым. А ещё погрузиться о конце любого чувства и союза: только что рядом с тобой был кто-то

«Не забывай меня»

тёплый, упрямый, родной, опасный – и вот уже ты вертишь в руках покорную куклу и не понимаешь, куда ушло всё то, что было таким важным.

У Жанти из огромных снежков вырастают живые руки и головы. Маленький обезьян, «родившись» из человеческого тела, требует материнского внимания. В огромных волнах, творимых руками танцовщицы, исчезают и появляются люди: для Жанти вначале была игра – с фактурами, цветами, нелепыми ситуациями, – но именно в игре проступают, точно невзначай выбалтываются, тревоги и страхи человека, много лет наблюдающего за миром. А неведомая компания покидает снежные равнины – мы видим маленький караван теневых кукол, от которого отходят двое – герои всякого повествования – мужчина и женщина. Чтобы вырваться из царства забвения.

На языке танца

Танец – один из главных козырей международного фестиваля: на его эмоциональном эсперанто можно рассказать любую историю. Именно Чеховский открыл россиянам легендарные имена Мэгтью Боурна, Сильви Гиллем, Лин Хвай Мина и многих других. И продолжает это делать.

Аутентичное танго из самой Аргентины – с маленьким оркестриком и непременно бандонеоном – показала «Танго Метрополис Данс Компани» («Танго и ночь»). Здесь любят и ревнуют, дерутся и дружат в ритме танго. Танго все возрасты покорны, и когда пожилой бандонеонист Даниэль Бинелли идёт потанцевать с молодой красоткой, зал взрывается аплодисментами. Ещё одна овация – паре мужчин, ведь у истоков танго лежал именно мужской танец. Танго, самый чувственный из парных танцев, возвы-

шается над сугубо сексуальными подтекстами. Недаром партнёрам в танго уже не важно, что произойдёт потом – главное они сказали друг другу в танце.

В Москву привезли спектакль с многообещающим названием «Я, Кармен». Работая над ним, она, как сообщает нам программка, пообщалась со множеством женщин: 90-летней русской актрисой, пожилой японкой, австралийской аборигенкой, изнасилованной жительницей Мадрида – в каждой стране Мария Пахес интервьюировала женщин, желая дать возможность собирательной Кармен высказаться лично, а не через переводчиков-мужчин в лице Мериме или Бизе. И получился всё тот же фейерверк фламенко, приправленный стихами на японском, арабском, испанском, русском (поэзия и танец как дети общей матери-музыки и отца-ритма), и феминистскими тирадами о праве женщины быть естественной и послать далеко любые стандарты красоты и правильной жизни («Мне 52, у меня не может не быть морщин!»). Зачем Пахес эта женская социология и культурология, если из сапатеадо, питоса и пальмаса (перестук каблуков, щелчки пальцев и хлопки) она может сотворить такой жгучий коктейль, что не только мужчинам – чертям тошно станет!

«Инала», копродукция Великобритании и ЮАР, впервые знакомит москвичей с артистами из Южной Африки в лице вокальной группы Ladysmith Black Mambazo, которую Нельсон Мандела назвал культурным послом ЮАР в мире. Покой, безмятежность, приятие жизни разлиты в их многоголосии, которое хореограф Марк Болдуин воплотил в танец с помощью старейшей английской компании «Рамбер». Здесь знойный день, сменяется звёздной ночью, восходит луна и, осветив парочки, уступает место рассвету. Здесь люди обращаются в зверей и диковинных носатых птиц из африканских мифов и легенд, и в этом нет ничего удивительного – ведь здесь одушевлён каждый камень. Здесь скрипки и синтезаторы звучат в унисон с перуанским кахоном и южноафриканским уду и стрёкотом крыльев огромных насекомых, а белые танцовщицы отдают свою руку темнокожим партнёрам. Этот спектакль может продолжаться вечно и оборваться в любой момент – как сама жизнь.

«Инала»

Olga FOUX

Photos courtesy of the Chekhov Festival press service

New Forms, Eternal Themes

"War"

Having cut numerous windows to Europe, as well as Asia, both of the Americas and Africa, having hooked Moscow residents and residents of other Russian cities to that profusion of images and meanings, the Chekhov Festival brought up an amazing audience. Benevolent, democratic, able to absorb any meanings and images, generous with its applause. Giving hope for an irreversible turn for the better. One gets dizzy, as always, from the abundance of new forms, and the subjects are, as always, eternal – war, family, love, the miracle of creation, the whims of memory...

War: East vs West

Two diametrically opposed views of the war – from the East and from the West. “The Female Generals of the Yang Family” by the Fuzhou Opera is an ideal example of spirit-raising art. The story takes us to the 12th century, into a family of General Yang, who was killed in the war (several generations of women and a teenage son). And this entire female battalion, including

the one-hundred-year-old matron, decides to substitute for their dead men in a mountain battle. With the help of feminine wiles, the female generals vanquish their enemies to the delight of the audience that has been thoroughly warmed up by the crazy stunts and battle cries. Tens of kilos of costumes, several hours of makeup – preserving four hundred years of the genre's traditions requires true heroism on the part of the actors. But theatre-goers were more interested in the psychological authenticity of the performance underneath a thick layer of makeup, with virtually no facial expressions.

The Chinese way of war is an object of aesthetic delight and ethical admiration of the heroism of one's fellow tribesmen. Vladimir Pankov's eponymous production likewise begins with the justification of war, its “purifying thunderstorm”, where new meanings shall be born. It is the subject of a conversation between young artists at a Christmas party in Paris – characters from Richard Aldington's “Death of a Hero”, whose novel gets intertwined in the production with Nikolai Gumilev's “Notes of a Cavalry Officer” and Homer's “The Iliad”,

the principal ode to war. Russian, English and Greek languages, the battle of brass and strings in Artyom Kim's atonal music – all this creates bloodcurdling background sound of war. Bodies-overcoats fall from the sky, a festive chandelier becomes a sinking ship at times and at other times – Hemingway's bell. An unimportant man (Pavel Akimkin), an artist at one time and now an officer, a carrier of all the virtues of a dying civilization, trudges through the war, losing his attachments and his mind. Losing his talent, too, – his fingers can no longer hold a pencil. The memory of a pilot, who was shot down and then executed by his own people on a neutral territory to ensure that he didn't divulge any secrets, turned out to be more powerful than any of the Old World's principles. The road to war is always a one-way ticket, you can't come back from it even if you manage to stay alive. This is the road that western art takes: from the celebration of war (in “The Iliad”, for instance) to its complete de-aestheticization and dehumanization.

On the waves of our memories

The names of James Thiérrée and Philippe Genty guarantee the audiences a fusion of magic, poetry, nostalgia, humor and melancholy – the quintessence of theatre. James Thiérrée proposes to read the name “Tabac Rouge” backwards in order to get something similar to “abat-jour” (lampshade), but a smoking pipe in his hands offers a different interpretation – an imperceptible, fleeting, intoxicating state of creativity. His main character is a gray-haired creator with keys to a door that doesn't open, in the realm of insane mechanisms that married a primus stove and a lampshade with a sewing machine and a typewriter, and devoted phantoms (acrobats from La Compagnie du Hanne-ton). They stand at attention, waiting for their Deus ex machina, but they are not above playing a practical joke on him, making him mad, snuggling up to him – and all of that is done with breathtaking stunts, where the body can turn into a regular cuttlefish and the head can drop inside the suit à la Bulgakov. An enormous mirror becomes the main object in this universal lair, and every so often the aging creator along with his creations goes through the mirror to the other side as though it were just another room. The mirror constantly changes positions and the angle of its tilt, and at one

“Tabac Rouge”

time it ends up right above the creator: he wants the One Who's Up There to hear his shouts, but he sees only himself.

Philippe Genty's “Forget Me Not”, staged with Norwegian actors (Nord-Trondelag University College de Verdal theatre school), transports the audience into the white silence of the North, where lives... a giant ape with the manners of an opera diva (reverse evolution?). Mysterious travelers appear, where each one is “squared”: a man and his puppet-twin. Genty's actors interact with puppets with such mastery that it is impos-

“Forget Me Not”

“War”

"Inala"

sible to know until the last moment which one is a man and which is a puppet, and how the animate is so artfully substituted by the inanimate. And to mourn the end of any feeling and union: only a moment ago somebody warm, stubborn, dear, and dangerous was beside you, and suddenly you are twisting an obedient puppet in your hands and you can't understand where they all went, those things that were so important to you.

Genty has real arms and heads growing out of enormous snowballs. A tiny ape, "born" from a human body, demands a mother's attention. People appear and disappear amid the huge waves created by the hands of a female dancer: for Genty, first came the game – with textures, colors, absurd situations, – but it is in that game that the worries and fears of a man, who had been observing the world for many years, bleed through, as though blurted out by pure chance.

In the language of dance

Dance is one of the international festival's trump cards: its emotional Esperanto can be used to tell any story. It was the Chekhov

Festival that introduced Russian audiences to the legendary names of Matthew Bourne, Sylvie Guillem, Lin Hwai-min, and many others. And it continues to do so.

Flamenco star Maria Pagés, whom Moscow audiences fell in love with, brought her production of "I, Carmen" to Moscow. Maria Pagés interviewed women in different countries, hoping to give the aggregate Carmen the opportunity to express herself in person, instead of relying on male interpreters in the person of Mérimée or Bizet. The result was the same flamenco fireworks, seasoned with poems in Japanese, Arabic, Spanish, Russian (poetry and dance as children of their joint mother music and father rhythm), and feminist tirades on the woman's right to be herself and to tell all the standards of beauty and proper lifestyle to go to hell ("I'm 52 years old, I can't not have wrinkles!"). Why does Pagés need this feminine sociology and culturology when the kind of a scorching cocktail she's capable of creating from zapateado, pitos and palmas (the clicking of heels, the snapping of fingers and the claps) can make not only men but devils themselves sick!

"Inala", co-produced by Great Britain and South Africa, introduces Moscow residents for the first time to artists from South Africa, represented by the vocal ensemble Ladysmith Black Mambazo, whom Nelson Mandela called his country's cultural ambassador to the world. Peace, serenity, acceptance of life spill out into their polyphony, which choreographer Mark Baldwin realized in dance with the help of Rambert, the oldest British company. Here, a sultry day gives way to a starry night, the moon rises, illuminates the couples and gives way to dawn. Here, people turn into animals and wondrous big-nosed birds from African myths and legends, and there is nothing strange about it, for here, every rock is alive. Here, violins and keyboards sing in unison with a Peruvian cajon and a South African udu and the chirring of the wings of large insects, and white female dancers give their hands to their dark-skinned partners. This production can go on forever and be cut short at any moment – like life itself.

"I, Carmen"